

УДК 243(547)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Т. Г. Недзелюк

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Новосибирск, Россия

Проводится историко-правовой анализ регулирования этнорелигиозной ситуации в Сибирском регионе с точки зрения исторической динамики (вторая половина XIX – начало XXI в.). Определяется место стратегии национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в общеисторическом контексте.

Ключевые слова: Сибирь, национальный вопрос, этнорелигиозная ситуация, правовое регулирование, национальная политика.

LEGAL REGULATION OF ETHNO-RELIGIOUS SITUATION IN SIBERIA: THE HISTORICAL DYNAMICS

T. G. Nedzeluk

Siberian Institute of management of RANEPА branch, Novosibirsk, Russia

The article makes historical and legal analysis of the regulation of ethno-religious situation in the Siberian region from the point of view of historical dynamics (late XIX century - early XXI century). The role of the Russian Federation national policy for the period up to 2025 is determined in the general historical context.

Keywords: Siberia, ethnical issue, ethno-religious situation, legal regulation, national policy.

Вопросы регулирования этнорелигиозной ситуации в её исторической динамике сегодня представляют собой остроактуальную тематику практически для любого региона земного шара. Территориально обширная Сибирь, с её многонациональным и поликонфессиональным составом населения, видится объектом пристального внимания и экспертного изучения. В нашем исследовании мы стремимся проследить в исторической динамике процесс правового регулирования этнорелигиозной ситуации в Сибири.

Проводником государственной политики в дореволюционной России являлась миссионерская деятельность православной церкви как государственного института. Христианизация есть политическое действие, закрепление власти государства на присоединяемых к нему территориях с помощью распространения го-

сударственной религии. Говоря о миссионерстве именно как о политике, нельзя не заметить, что в отношении Сибири она была крайне неравномерной. Проведение линии правительства на христианизацию Сибири, помимо ясно намеченного апологетического вектора, не имело в иные исторические периоды других мотиваторов и детерминант; мало принимался во внимание и социокультурный контекст сибирских реалий.

Первые кардинальные шаги в изменении религиозного ландшафта Сибири были сделаны собственно Петром I: в 1700 г. он направил Киевскому митрополиту именной указ с заданием подобрать из иноков «человека доброго и ученого» для отправки в Тобольск с целью организации миссионерской деятельности. В 1702 г. митрополитом Тобольским и

всея Сибири стал бывший эконо́м Киево-Печерской Лавры Филофей Лещинский.

Правовое регулирование этнорелигиозной ситуации в начале XVIII столетия включало комплекс мер поощрительного характера. В отношении новоокрещенных применялись широкие льготы: местные сибиряки, перешедшие в христианство, получали освобождение от уплаты ясачной подати на 3 года, им предоставлялась безвозвратная ссуда на приобретение скота и строительство жилья и т.д. Как свидетельствуют отчеты первых миссионеров, их деятельность среди тунгусов и бурят имела огромный успех, однако уже в 40-е гг. XVIII в. наступило ослабление эффективности миссионерской деятельности, что привело к закрытию первой Забайкальской миссии.

Деятельность миссионеров слабо поддерживалась властями империи, ещё меньше – местными органами власти. Сохранилось свидетельство о том, что в 1788 г. игумен Туруханского монастыря предпринял поездку в Хатангский погост для закладки там церкви. По возвращении игумена было заведено судебное дело о неуплате прогонов (в подорожной игумену было отказано) [1].

Традиционные верования сибиряков имели глубинные детерминанты в общинном сознании, тогда как временные меры поощрительного характера со стороны администрации не принесли видимых дивидендов местному населению. После закрытия миссионерских станций новообращенные только в редких случаях могли занять прежнюю социальную нишу.

Показателен пример Сумы Бижи-Кожун Калгадчика из урянхайцев, составившего отчаянное письмо в сибирскую администрацию. «С самого малолетства проживая между Российскими подданными, я познал правила истинной Христовой Православной веры и потому в 1888 г. просвещен Св. Крещением Священником Усинской миссионерской Церкви о. Платоном Тыжновым. Оставляя обычаи и Ламайскую веру предков своих и вступая в лоно Апостольской Греко-Российской Церкви, я вполне надеялся, что я Законом русского Царя и поставленными от него властями буду огражден от всяких притеснений со стороны своих единоплеменников за отступление от прежней Ламайской веры. Возвратиться на родину в Урянхайский край я не могу, потому что меня не только подвергнут разным пыткам, для оставления принятых мною Св. Имени и веры, но могут даже лишить жизни» [3].

Миссионерская деятельность православной церкви среди тувинцев в Засаянском регионе во второй половине XIX в. – показатель-

ный пример благих намерений и непоследовательных действий. Православные Усинско-Урянхайского края, численностью 150 чел., в 1880-х гг. неоднократно обращались к епископам Енисейской губернии с просьбой «образовать для православных особый посёлок», однако встречали мотивированный отказ: «Для выполнения духовных треб немногочисленного православного населения, – полагали в епархии, – достаточно было периодического посещения региона священниками из сел Минусинского округа» [4]. Красноярский ученый В.Г. Дацышен отмечает, что целью имперского правительства на данном этапе было не преобразование мира по своему образу и подобию, а освоение «свободного эколандшафта» [4].

Правовое регулирование этнорелигиозной ситуации в Сибири стало регулярным с выходом «Устава об управлении инородцами» в 1822 г. Реформы М.М. Сперанского и разработанный под его руководством Устав регламентировали социальные, экономические и прочие стороны жизни сибиряков.

Хозяйственный принцип, положенный в основу разрядного деления коренного населения, оттеснял этнические и конфессиональные противоречия на второй план. Стоит отметить, что уже тогда сложился прагматический стиль взаимоотношений центра и периферии: окраины должны осваиваться, а религия обязана служить поддержанию нравственности населения. В тексте «Устава об управлении инородцами» впервые в российской практике регулирования этнорелигиозных отношений была отмечена необходимость принимать во внимание социокультурные различия. Устав содержал прогрессивные для своего времени посылы веротерпимости, утверждая, что: «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», а ламаисты и язычники пользуются свободой «определять богослужение по их закону и обрядам» [17].

Столыпинская аграрная реформа привнесла в пеструю конфессиональную картину Сибири новые компоненты. Активное миграционное движение из западных регионов Российской империи сопровождалось возникновением новых религиозных общин, преимущественно христианских, но не всегда православных, строительством новых зданий культуры.

Анализ журнала заседаний Переселенческого управления позволяет сделать вывод о дискуссионном характере правового регулирования этнорелигиозной ситуации в Сибири. Не было единого мнения и в правительстве, и

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

в Государственной Думе [2]. Несмотря на то, что 17 апреля 1905 г. был объявлен Высочайший манифест о свободе веры [8], практика его реализации на местах складывалась не просто.

Обер-прокурор Синода В.К. Саблер выступил с заявлением о том, что: «Россия – государство конфессиональное, в котором господствуемое исповедание Православное», а положения, признающие равноправие всех вер: «Нарушают Основные Законы государства Российского, ведут к вредным последствиям для государственного строя, ибо вносят смуту в религиозную совесть миллионов российских подданных, нарушают семейный мир и уравниванием значения всех религий противодействуют и религиозному, и культурному преуспеянию» [13].

Проводником социокультурного подхода, в противовес мнениям многих членов кабинета министров, выступил П.А. Столыпин, сделав следующее заявление. «Для проведения правительственной программы наиболее успешно в жизнь, необходимым является удовлетворение всех нужд переселенцев на местах их нового жительства, причем из числа этих нужд виднейшее место, без сомнения, занимают потребности религиозно-нравственные и духовно-просветительные, поэтому всякое в этом отношении ходатайство надлежит со стороны Правительства скорейшему удовлетворению» [14]. Благодаря позиции премьер-министра П.А. Столыпина, вероисповедное разнообразие в Сибирском регионе стало еще более ярким.

Существует стереотип, что революционная эпоха, начиная с 1917 г., на 74 года единым росчерком пера открыла для России эпоху атеизма. Данная установка является непроизвольным упрощением. В тот момент, когда империя прекратила своё существование, возникла ситуация «правового вакуума», в том числе и в области религиозного права, религиозной политики.

Сибирскими областниками собственно конфессиональный вопрос не рассматривался, так как априори принималось провозглашение свободы вероисповеданий Временным правительством. Декларировалась «широкая автономия Сибири в федеративной демократической России». Предполагалось, что автономия и обеспечит народностям право на использование национального языка и исповедание традиционной религии.

«Постановление Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений» стало одним из первых законодательных актов новой власти, что свиде-

тельствовало об острой актуальности проблемы. Временное правительство объявило: «Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются» [12]. Постановление вступило в силу в день его обнародования «Вестником Временного правительства» от 20 марта 1917 г.

Достаточно распространено мнение, что в годы гражданской войны «большая часть священнослужителей и мирян встали на сторону Колчака, который, будучи весьма религиозным, стремился опираться на духовенство» [16]. Однако существует и другая точка зрения: действия А.В. Колчака имели прагматический характер. Верховный правитель совершенно четко осознавал роль идеологии в гражданской войне, а потому использовал священнослужителей в качестве морально-организующей силы и инструмента влияния на массовое сознание.

К аргументам, подтверждающим данную гипотезу, отнесем введение должностей «епископов армии», «главных священников фронтов», создание религиозно-фронтовых братств, в том числе братства св. А. Невского [18]. На духовном съезде, прошедшем в Томске в ноябре 1918 г., было организационно оформлено Временное высшее церковное управление (ВВЦУ). Резолюция съезда объявила советскую власть врагом церкви и приветствовала освобождение Сибири от большевиков. Для руководства ВВЦУ Колчак создал Министерство вероисповеданий, которое должно было контролировать деятельность этого органа церковного управления. Министром исповеданий колчаковского правительства был назначен профессор Томского университета, доктор церковного права П.А. Прокопьев. Церквям и школам были возвращены конфискованные ранее земли, в школьную программу вернули обязательное преподавание Закона Божьего.

Суть явления становится ясной после ретроспективного обзора непродолжительной по времени, но радикальной по своему характеру законотворческой деятельности большевистского правительства. В конце 1917 – начале 1918 г. был принят ряд декретов Советской власти, направленных на ограничение прав церкви. Среди них: Декрет о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г., Декрет о передаче всех государственных, церковно-приходских и частных учебных заведений в ведение Народного Комиссариата просвещения от 11 (24) декабря 1917 г.

20 января (2 февраля) 1918 г. был принят Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, осуществивший отделение церкви от государства. Политический режим А.В. Колчака отменил реквизиции и конфискации, восстановил статус церкви и церковных учреждений. Высокопреосвященный Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский, избранный главой ВВЦУ, своим распоряжением отменил действие декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» на территории Сибири, вернул церквям и монастырям земельные владения.

В отношении иных исповеданий правительство Колчака не было таким прямолинейным и последовательным, однако Верховный правитель в своих выступлениях заявлял о необходимости проводить политику религиозной терпимости, манифестируя, что обязанностью правительства является уравнивание в правах всех народов, независимо от национальности и вероисповедания» [7].

Советский период, до 1991 г., был отмечен формированием у граждан СССР стойкой атеистической мировоззренческой позиции. Декреты Советской власти, упомянутые нами выше, определяли вектор религиозной политики. Активизация конфессиональной активности в конце Второй мировой войны и ее снижение в 60-е годы, хотя и являются предметом специального изучения, укладываются в контекст провозглашенного в 1917–1918 гг. вектора антирелигиозной политики.

Период 1991–1997 г. стал временем возрождения религиозной активности, с одной стороны, и пришедшим осознанием, в связи с хлынувшим в Россию потоком неокультов, необходимости правового регулирования деятельности религиозных организаций. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных организациях» 1997 г., призванный определить рамки легитимности религиозных организаций, не решил всех проблем. Органы местного самоуправления оказались лишены возможности оказывать влияние на религиозную ситуацию в регионе. Федеральный закон поясняет, что: «Учредителями местной религиозной организации могут быть не менее десяти граждан Российской Федерации, объединенных в религиозную группу, у которой имеется подтверждение её существования на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет, выданное органами местного самоуправления, или подтверждение о вхождении в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданное указанной организацией» [9].

Сибирь, как и другие регионы России, познакомилась с неопротестантскими движениями и мусульманскими толками. По итогам 2010 г. в субъектах Сибирского Федерального округа было официально зарегистрировано 2 160 разноплановых религиозных организаций [5]. В федеральном законодательстве не учтены социокультурные различия регионов, местное самоуправление оказалось лишено возможности контролировать этнорелигиозные процессы. На настоящем этапе государственной политики признается, что социокультурный подход как методологическая основа региональной этнорелигиозной политики – единственный инструмент, позволяющий на должном уровне организовывать диалог конфессий и вероисповеданий как между собой, так и с гражданским обществом, с государственными структурами.

Стратегия реализации государственной национальной политики Российской Федерации манифестирует, что только гибкая национально-религиозная политика, нацеленная на утверждение осознания единства интересов российской многонациональной нации и общей ответственности граждан за исторические судьбы России может и должна способствовать формированию консолидированного российского социума [11].

Названная стратегия имеет комплексный межотраслевой характер, сопряжена с рядом других мегапроектов государственного планирования, а именно со «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации», Федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)», «Концепцией государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года». Регулирование этнорелигиозной ситуации в Сибири сегодня происходит благодаря деятельности Отделов по взаимодействию с религиозными организациями и национально-культурными автономиями городских, областных и краевых администраций. Анализ специфики этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе необходим; ведутся комплексные исследования [6, 15].

Совершенно очевидно, что разработка региональных моделей этнонациональной политики является неотложной необходимостью, а правовое регулирование спектра этнорелигиозных отношений нужно проводить непременно с учетом региональных особенностей. Анализ исторической динамики может оказать вспомогательное действие в выработке практических рекомендаций, при построении теоретических моделей и обобщении результатов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ В СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

полевых исследований, поясняя исторический контекст сложившейся этнорелигиозной ситуации в Сибирском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлыкова А.П. Проблемы миссионерской деятельности монастырей Сибири в Синодальный период // Макарьевские чтения: Материалы VI международной конференции (21–23 ноября 2007 г.) / Отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 20–27.

2. Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным исповеданиям России в 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... к.и.н. – СПб.: Ин-т российской истории, СПб. филиал, 1999. – 22 с.

3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). – Ф. 674. Оп. 1. Д. 3343. Л. 2–2об.

4. Дацышен В.Г. Проблемы православной миссионерской деятельности в Туве во второй половине XIX в. // Макарьевские чтения: Материалы VI международной конференции (21 – 23 ноября 2007 г.) / Отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 68–72.

5. Доклад о развитии гражданского общества в Сибирском Федеральном округе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sibfo.ru>.

6. Костюк В.Г., Попков Ю.В., Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Тюгашев Е.А., Удалова И.В., Ушаков Д.В. Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий. – Новосибирск: Изд. дом «Манускрипт», 2013. – 272 с.

7. Наумова Н.И. Колчаковское правительство и создание национальных судов // История белой Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 64–67.

8. Николай II. Именной Высочайший Указ и Высочайше утвержденные положения Комитета министров об укреплении начал веротерпимости // Журнал Министерства юстиции. – 1905. – № 5. – С. 1–11.

9. О свободе совести и религиозных организациях: Федеральный закон от 26.09.1997 г. // СЗ РФ. – 1997. – № 125.

10. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. – № 1666.

11. Путин В.В. Россия: национальный вопрос [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

12. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. / Под ред. С.М. Диманштейна. – М.: Коммунистическая академия, Комиссия по изучению национального вопроса, 1930. – Т. 3. – 467 с.

13. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. – М.: Крутицкое подворье, 2004. – 560 с.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 486. Л. 146.

15. Савинов Л.В. Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2005. – 170 с.

16. Терехина Т.А. Духовная связь белой эмиграции и церкви в годы гражданской войны // История белой Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 191–195.

17. Устав об управлении инородцами // ПСЗ РИ. – Т. 38. – СПб., 1830. – № 29216.

18. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь Восточной Сибири в 1917–1920 гг. // История белой Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 188–191.

Недзельюк Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права»

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия.